

Глава 25. Благодетели, спасите!

Тао Жун, старейшина Тао.

Он умирал Город Бессмертия, охранял Безрадостный утёс. Его железное перо могло воспевать ветры и луну, а могло и решать судьбы, даруя жизнь или смерть.

Он считал себя одной из опор Павильона Гор и Морей и больше всего негодовал на то, что владыка павильона слишком уж их, стариков, почитает. При встрече — поклон, расспросы, любезности, а потом — на пьедестал.

«Мы ещё не умерли, зачем нам эти почётные места, как для поминальных табличек?»

Негодование старейшины Тао копилось давно. Услышав о появлении шёлка душ, он немедленно отправился к владыке павильона Цзо и обрушил на него поток красноречивых упрёков. Владыка Цзо, забрызганный слюной, чтобы спасти свои уши, был вынужден отправить его в город Фу. До прибытия туда старейшина Тао, старый конь, всё ещё мечтающий о подвигах, был уверен, что нет в мире такого дела, с которым бы он не справился.

Но это «дело», похоже, не включало в себя азартные игры.

— Клац-клац-клац!

Чёрный лакированный деревянный стаканчик для игры в кости в красивой руке с бледной кожей трясся так быстро, что кости внутри стучали, как ливень. Наконец, с решительным жестом, стаканчик был перевернут и с громким стуком опущен на покрытый шёлком стол «Небесного снега».

Старейшина Тао, будучи человеком утончённым, назвал свою летающую лодку «Небесный снег», что означало «цветок, летящий в одиноком небе». Он не только украсил мачту тушью с изображением гор и вод, но и установил на носу стол из сосны и стулья из сливы. Каждый раз, отправляясь в путешествие, он непременно облачался в просторный халат с широкими рукавами, садился у этого стола и пил вино на ветру, находя в этом особый смысл: «На высотах невыносимый холод, я пью с лазурным небом». Он даже специально положил бумагу и кисть, чтобы, когда нахлынет поэтическое вдохновение, можно было тут же начертать несколько строк.

Воистину, само воплощение отрешённости от мирской суеты.

Однако сейчас этот «одиноким летящим цветком» был безжалостно ввергнут в самую гущу мирской суеты, да ещё и несколько раз прокручен в грязи!

На сосновом столе, где он пил с лазурным небом, некогда изящная композиция из бамбука и

тихой воды была сдвинута на палубу, а милые белые камушки из неё были вытащены и наспех превращены в игральные кости. Шёлковая скатерть была заляпана тёмными и светлыми пятнами туши, облезлая кисть из пурпурного ворса была небрежно брошена сверху, а порванные на полоски листы сюаньской бумаги валялись по всему столу и на полу...

— Ставки сделаны, ставок больше нет!

Цю Бодэн, поставив одну ногу на сливовый стул и прижав рукой стаканчик с костями, обвёл всех резким взглядом своих глаз-фениксов. Жаль только, что на обеих щеках у него были наклеены бумажки.

— Быстрее, быстрее.

— Четыре-шесть, речной дракон, ставлю на больше! — один из игроков, свирепым и опытным видом, хлопнул по столу.

Это был Цзо Юэшэн. На его лице было наклеено пять или шесть бумажек.

— Четыре-один, полная чаша звёзд, ставлю на больше, — нерешительно и напряжённо произнёс другой.

Это был Лу Цзин. Его лицо было заклеено семью, восемью, а то и девятью бумажками... глаза были почти полностью закрыты, и он мог лишь щуриться сквозь щели.

— Четыре-три, летящие гуси, я... я ставлю на меньше! — третий, казалось, был спокоен, но на самом деле втайне что-то подсчитывал в рукаве.

Это был старейшина Тао Жун. С одной рукой, поглаживающей бороду, и видом бессмертного, он был единственным из четырёх, у кого лицо было чистым.

— Четыре красных, четыре очка, полный расцвет весны, — Цю Бодэн медленно поднял руку со стаканчика. — Я ставлю... на больше.

В азартных играх с несколькими костями обычно действовал принцип «чем однороднее, тем ценнее», то есть комбинация, в которой все кости одного цвета, считалась самой ценной, а среди цветов красный был самым дорогим. В классическом труде по азартным играм «Трактат об исключении красного» комбинация из четырёх красных четвёрок называлась «полный расцвет весны» и считалась самой ценной.

Стаканчик был поднят, и на столе показались четыре аккуратно лежащие кости, все красной стороной вверх, на каждой по четыре очка.

Именно «полный расцвет весны».

— Чёрт! Правда! Четыре красных, четыре очка! Выиграли, выиграли! — Цзо Юэшэн вскочил, восторженно крича. — Старейшина Тао, быстрее, как мы и договаривались, если проигрываешь, платишь втройне.

Рука старейшины Тао дрогнула, и он чуть было снова не вырвал несколько драгоценных волосков из своей козлиной бородки.

— ...Кхм-кхм.

Тао Жун громко кашлянул, пытаясь напомнить этим соплякам, что он уже в преклонном возрасте и им следует проявить к нему уважение.

К сожалению, его намёк был слишком тонок. Лу Цзин, сидевший рядом, совершенно его не понял и с энтузиазмом взялся за кисть, начертал на листе бумаги какие-то каракули, от которых завывали бы духи и демоны, макнул бумажку в клейстер и, вежливо протянув, спросил:

— Старейшина Тао, куда бы вы хотели, чтобы я это приклеил?

— ...Куда хочешь.

Старейшина Тао сдался и устало махнул рукой.

Лу Цзин, ничуть не смущаясь, «шлёп-шлёп-шлёп» — прилепил бумажки прямо на лоб и обе щеки старейшины Тао, создав композицию «небо, земля и человек».

— Давайте, давайте, продолжим.

Цю Бодэн с неизменной улыбкой накрыл кости стаканчиком и уже собрался снова их трясти.

— Кхм-кхм-кхм, — старейшина Тао с тремя бумажками на лице внушительно кашлянул несколько раз, а затем, постанывая, поднялся. — Стар я стал, стар. Ветер на носу лодки слишком сильный, старику нужно пойти отдохнуть. А вы, молодёжь, продолжайте.

— Ветер сильный? — Лу Цзин, который записывал результаты, чуть не испортил запись. — Разве это сильный ветер?

На летающей лодке сильный ветер — дело обычное, но нос лодки «Небесный снег» старейшины Тао был защищён формацией, которая пропускала лишь лёгкий «бессмертный ветерок», способный лишь слегка развеять рукава и волосы, а не «демонический ветер»,

который срывал бы одежду и трепал волосы.

Цю Бодэн был проникателен и, едва взойдя на лодку, заметил это благословенное место. Пока старейшина Тао с гордостью расписывал гостям, как изящна и полна глубокого смысла его «Небесный снег», знатные гости уже «шух» — и окружили стол на носу. Молодой господин Цзо вырезал кости, господин Лу резал бумагу, а маленький предок-наставник Цю устанавливал правила... В мгновение ока изысканный «Небесный снег» утонул в грохоте игральных костей.

Старейшина Тао некоторое время наблюдал за этим, и его борода дрожала от душевной боли.

Но эти трое, хоть и были молоды, но обладали высоким статусом, особенно Цю Бодэн, маленький предок-наставник Тайи, которого нельзя было просто так отчитать. Тогда он придумал план «обучения через развлечение». Положившись на свой высокий уровень совершенствования и острый слух, он присоединился к игре, чтобы проучить их, а затем, наставив на путь истинный, вернуть блудных сыновей на стезю добродетели.

Но в итоге получилось не «возвращение блудных сыновей», а «потеря доброго имени на старости лет».

— Ветер на небесах и впрямь силён, — тихо произнёс Цю Бодэн. — Даже тяжёлые рукава не могут устоять.

— Ох-ох-ох.

Старейшина Тао запричитал ещё жалобнее, достал откуда-то палку и, постукивая ею по палубе, направился в сторону каюты.

— Старые больные ноги снова разболелись, старику нужно пойти прилечь.

— У старейшин вашего Павильона Гор и Морей такая плохая репутация в азартных играх? — спросил Цю Бодэн, повернувшись к Цзо Юэшэну. — Чувствует, что вот-вот проиграет, и тут же сбегает?

— Не обобщай! — возмутился Цзо Юэшэн. — Этот точно какой-то хитрый мошенник.

Лу Цзин хихикнул.

Старейшина Тао вдруг оглох и, ничего не слыша, с тростью в руках быстро скрылся в каюте.

***

— Старейшина! — Тао Жун, приготовив целую речь, полную увещаний и наставлений, едва ступил в каюту, как к нему с серьёзным лицом подбежал Лоу Цзян и с порога заявил:

— По поводу теневых марионеток в городе Фу у меня много вопросов, надеюсь, старейшина просветит меня.

Говоря это, он незаметно добавил:

— Старейшина Тао, вы усмиряли Город Бессмертия и охраняли Безрадостный утёс, вы знаете о Великой Пустоши больше, чем кто-либо в Павильоне Гор и Морей. Искусство марионеток пришло из Великой Пустоши, и если даже вы не сможете мне помочь, то я не знаю, к кому ещё обратиться.

— Глупости, — отрезал старейшина Тао. — Разве старейшины-советники не знают больше меня? Как я смею хвалиться! Но... с другой стороны, старейшины-советники не так-то легко доступны для таких юнцов, как ты. Что ж! Ладно, говори, какие у тебя вопросы.

«Если бы вы действительно не смели хвалиться, то не улыбались бы так, что все морщины собрались в кучу, словно хризантема!»

Лоу Цзян, мысленно ругаясь, смиренно кивал и соглашался, провожая старейшину Тао в чистую комнату.

— Старейшина, прошу вас, взгляните.

Лоу Цзян поставил на стол три нефритовые шкатулки.

Старейшина Тао открыл их одну за другой. В первой лежало несколько прядей серебряного шёлка душ, во второй — уменьшенная с помощью сумки из горчичного семени повреждённая схема формации, состоящая из железных столбов, цепей и бронзовых колоколов для отпугивания злых духов. Если бы здесь был Цю Бодэн, он бы узнал в ней Великую формацию восьми циклов покорения чистоты бывшего городского оракула города Фу. Лоу Цзян, оказывается, умудрился выкопать и забрать с собой всю формацию. В последней шкатулке лежал небольшой кусок лазурно-золотого металла.

Старейшина Тао, слушая подробный рассказ Лоу Цзяна о событиях того дня, то пощипывал шёлк душ, то рассматривал схему формации, и наконец, взял в руки лазурно-золотой кусок металла.

— Старейшина, — Лоу Цзян положил на стол разбитое Зеркало Лазурного императора, — перед отправлением из Павильона Гор и Морей владыка павильона попросил мастера Мо запечатать в зеркале формацию для отслеживания шёлка душ. Но когда я прибыл в город Фу, зеркало никак не реагировало. Почему?

Старейшина Тао положил кусок металла, перевернул зеркало и взглянул на обратную сторону.

— Схема формации мастера Мо верна, но он кое-что упустил.

— Что именно? — настойчиво спросил Лоу Цзян.

— Эта схема может обнаружить только шёлк душ на ранней стадии роста. Если шёлк растёт более ста лет, она бесполезна, — сказал старейшина Тао. — Посадка души — на самом деле, это посадка человеческой обиды и нежелания. Человеческие любовь и ненависть — это семена. Ты видел людей, чьи родные и близкие были убиты? В первый момент, узнав страшную весть, они либо краснеют глазами, либо бьются головой о землю, их горе и гнев видны всем. Но со временем скорбь и ярость уходят вглубь, укореняясь в сердце.

— В этом мире чем глубже и дольше ненависть, тем она тише и незаметнее. Когда шёлк душ вырастает, ненависть мёртвой души становится тонкими нитями, и ты уже не можешь её увидеть напрямую.

Старейшина Тао достал старую курительную трубку из жёлтого бамбукового корня, постучал ею по столу, и в чашечке загорелся тёмно-красный огонёк. Он медленно затянулся, и сизый дым окутал его старое, морщинистое лицо.

Сердце Лоу Цзяна дрогнуло.

Он слышал от владыки павильона, что старейшина Тао в молодости охранял Город Бессмертия, и позже, неизвестно что случилось, но почти все ученики школ бессмертных, нёсшие там стражу, погибли... Лишь старейшину Тао один из его старших братьев-наставников вынес на спине и вернул в Павильон Гор и Морей.

— Старейшина, взгляните на эту формацию, — сменил тему Лоу Цзян, указывая на повреждённую Великую формацию покорения чистоты во второй шкатулке. — Столбы как глаза, цепи как узоры, подвешенные колокола для гармонии. Этот стиль построения формаций похож на стиль Небесной ремесленной палаты. Неужели дело с шёлком душ связано с ними?

Старейшина Тао постучал трубкой, выбивая пепел.

— Трудно сказать, — задумчиво произнёс он. — У этого дела есть некоторые связи с Небесной ремесленной палатой, но участвовал ли кто-то из них, сказать трудно.

— Какие связи? — спросил Лоу Цзян.

— Три тысячи пятьсот шестьдесят лет назад Небесная ремесленная палата изгнала одного из своих старейшин — того самого предателя, что убивал божеств ради их духа и ковал из них злое оружие, — старейшина Тао снова затянулся, нахмурившись. — Он был невиданным

гением в истории Небесной ремесленной палаты. «Столбы как глаза, цепи как узоры, подвешенные колокола для гармонии, формация, объемлющая небо и землю» — это его идея. Владыка Небесной ремесленной палаты принял его в ученики, относился к нему как к родному сыну и отдал за него свою дочь. Но в итоге этот человек убил свою жену и предал своего учителя, став врагом всего мира. Тогда все школы бессмертных издали совместный указ, чтобы его имя было вычеркнуто из всех хроник, как официальных, так и неофициальных. И больше этого человека не стало.

— Этот человек умер? — с отвращением спросил Лоу Цзян.

Старейшина Тао усмехнулся:

— Если бы эти болваны из Небесной ремесленной палаты смогли его убить, стали бы они закрываться от мира на три тысячи лет? Этот предатель потом ушёл в Великую Пустошь... Эта формация, она немного напоминает стиль того предателя. Если Гэ Цин действительно его видел, то придётся нанести визит в Небесную ремесленную палату. Пусть об этом болит голова у владыки. Хм, я ещё раз обязательно выскажу ему всё, что думаю. Что за дурацкое задание он тебе дал, это же верная смерть!

У Лоу Цзяна по спине пробежал холодный пот. «Даже если бы не моё дело, вы всё равно то и дело кричите на владыку, не надо меня в это впутывать».

Он поспешно сменил тему, спросив о другом.

— И ещё, насчёт... — Лоу Цзян помедлил, — насчёт маленького предка-наставника Тайи.

Лицо старейшины Тао слегка изменилось. Он уже хотел было сказать: «Этот знатный гость твоего возраста, думаю, лучше тебе его и сопровождать...»

— ...Гэ Цин был городским оракулом города Фу почти четыреста лет. Хотя он и был нечестив, но его талант к совершенствованию был поистине редким, а знания — обширными и разносторонними. Даже обычный старейшина из нашего Павильона Гор и Морей не смог бы его одолеть. Однако, — Лоу Цзян сделал паузу, — в тот день старейшина Цю в одиночку прервал кровавый ритуал в городе Фу и, в одиночку разрушив формацию, убил Гэ Цина. Но, сколько бы я ни наблюдал за старейшиной Цю до и после этого, его уровень совершенствования действительно находится лишь на стадии Просветления сердца. Я не могу понять, как ему это удалось.

Старейшина Тао облегчённо вздохнул и снова медленно затянулся.

— Маленький предок-наставник Тайи... а, ты, парень, об этом не беспокойся, — неторопливо сказал он. — Это дело школы Тайи. Он — знатный гость Тайи, ты просто относись к нему с почтением, и всё.

У Лоу Цзяна возникло нехорошее предчувствие. Он поспешно встал и поклонился старейшине Тао:

— Старейшина, я вспомнил, что мне нужно написать отчёт владыке, так что я вас покину.

— Погоди, — старейшина Тао стукнул его по плечу трубкой. — Владыка сейчас занят походом ста кланов на юг и переговорами о проходе через область Цин, не отвлекай его по пустякам.

— Проход через область Цин? — изумился Лоу Цзян. — Как владыка мог согласиться?

— Ничего не поделаешь, — вздохнул старейшина Тао. — У ста кланов денег куры не клюют... слишком много дали, вот владыка и согласился.

«...» Лоу Цзян подумал, что молодой господин Цзо в этом плане пошёл в отца. «Тогда, старейшина, я пойду совершенствоваться!»

— На совершенствование времени много, — с отеческой заботой сказал старейшина Тао. — Слишком усердствовать — только навредить. Отдых и труд нужно чередовать, чтобы достичь большего. Я смотрю, ты, парень, в Павильоне Гор и Морей целыми днями только и делаешь, что совершенствуешься, скоро станешь таким же сухарём, как те из школы Тайи. Раз уж я здесь, не будь к себе так строг. Иди, иди, проведи время с молодёжью!

Лицо Лоу Цзяна изменилось:

— Старейшина! Это же маленький предок-наставник Тайи, а я всего лишь ученик, мой статус слишком низок. Если я буду сопровождать такого знатного гостя, в Тайи могут подумать, что наш Павильон Гор и Морей их не уважает... А главное, старейшина, я чувствую, что это не отдых, а небывалое испытание!

— Молодой человек, не бойся трудностей на пути, — старейшина Тао с силой хлопнул его по плечу, выталкивая из комнаты. — Нужно больше тренироваться!

Лоу Цзян, пошатываясь, устоял на ногах в коридоре. Дверь в чистую комнату за его спиной с громким стуком захлопнулась.

Ветер, задувавший в коридор, трепал его рукава, и в этом было что-то печальное.

***

— Молодой господин Цю, ну ты даёшь.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин, поглядывая в сторону каюты, хихикали.

Только что, когда они играли в кости, победитель пил, а проигравшему клеили на лицо бумажку. На середине игры к ним присоединился старейшина Тао, сказав, что тоже хочет сыграть.

Несколько наследников, подумав, что чем больше народу, тем веселее, согласились. В итоге старейшина Тао, этот старый лис, пользуясь своим высоким уровнем совершенствования и острым слухом, начал угадывать очки по звуку костей и обыгрывать всех подряд. Цзо Юэшэн и Лу Цзин пытались жульничать, но их уровень был слишком низок, и все их попытки провалились.

После того как им наклеили по две бумажки, Цю Бодэн, который до этого лениво наблюдал за игрой, решительно отодвинул Цзо Юэшэна, закатал рукава и сам взялся за стаканчик.

— Как ты это сделал? — с любопытством спросил Лу Цзин у Цю Бодэна.

Цю Бодэн выложил на стол четыре белые каменные кости и с улыбкой спросил:

— Хотите знать?

Цзо Юэшэн и Лу Цзин закивали, как цыплята, клюющие зёрна.

Цю Бодэн протянул к ним правую руку:

— Ставка.

— ...Яблоко от яблони, — пробормотал Лу Цзин, толкая к Цю Бодэну две бутылочки с пилюлями. Такова была их тайная договорённость: кто первым проучит старейшину Тао, тот и забирает выигрыш. — Мне кажется, ты перенял у толстяка Цзо его привычку сдирать три шкуры.

— Лу одиннадцатый, я тебя предупреждаю! Не клевети! — возмутился Цзо Юэшэн, бросая Цю Бодэну несколько жемчужин, содержащих гром. — Что значит, перенял у меня? Этот парень, едва мы встретились в городе Фу, обобрал меня на восемьдесят тысяч лянов золота, он куда чернее душой, чем я.

— Перехваливаете, перехваливаете.

Цю Бодэн принял дары и постучал по столу.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин медленно расширили глаза.

Маленький деревянный человечек, карабкаясь по скатерти, выбрался из-под стола. Он был размером с ладонь, сделан из белого дерева и двигался легко и проворно. Добравшись до стола, он подхватил в несколько раз больший его самого винный кувшин и, устойчиво держа, наполнил пустую чашу перед Цю Бодэном.

— Ух ты! Что это?! — изумился Лу Цзин.

Вино наполнило чашу почти до краёв, и маленький человечек остановился, поставил кувшин на место и отошёл в сторону.

— Похоже на духовную марионетку. Говорят, если вырезать человечка из дерева жо небесной зимы и обладать достаточным уровнем совершенствования, можно наделить его разумом. Но способ вырезания и наделения духом, кажется, мало кто знает, — с любопытством сказал Цзо Юэшэн, протягивая руку, чтобы потрогать его.

Цю Бодэн стукнул его по руке кистью.

— Только что кости были четыре-три, летящие гуси, но он под столом подменил их.

— Как здорово, — глаза Цзо Юэшэна загорелись, и он с энтузиазмом предложил: — Молодой господин Цю, эта твоя духовная марионетка... хе-хе, а давай-ка мы с тобой в казино? Я знаю, где больше всего денег. Тыпустишь свою марионетку жульничать, а мы с Лу Цзином будем тебя прикрывать, и за одну ночь мы озолотимся!

— Самое большое казино в мире — разве не твоей семьи? — сказал Цю Бодэн, убирая маленького человечка в рукав. — Ты будешь жульничать у своих же, не боишься, что твой отец тебя до смерти забьёт?

— Э-э-э...

Цзо Юэшэн задумался и, решив, что это действительно так, с сожалением отказался от такой прекрасной возможности разбогатеть.

Лу Цзин, сидевший рядом, вдруг заметил кое-что странное...

За эти дни он успел более-менее узнать характер молодого господина Цю. Этот человек был до смешного неуклюж в бытовых мелочах и, по какой-то странной причуде, предпочитал ходить с растрёпанными волосами, которые сам же и взъерошил, лишь бы не позволять никому себе помочь.

— Странно, — не удержался от вопроса Лу Цзин. — Почему у тебя сегодня волосы в порядке? Кто тебе их причёсывал?

— Сам, конечно, — не моргнув глазом, ответил Цю Бодэн. — Ваш покорный слуга исключительно умён, такая мелочь, как причёска, — раз плюнуть.

Цзо Юэшэн и Лу Цзин одновременно фыркнули.

— Тут что-то нечисто! — решительно заявил Цзо Юэшэн.

— Точно нечисто! — подтвердил Лу Цзин. — Может быть...

— Слушайте, — прервал их Цю Бодэн. — Вы слышите, внизу какой-то звук.

— Молодой господин Цю, вы слишком неуклюже меняете тему, — проворчал Лу Цзин. — Где логика, где плавный переход? Вы просто взяли и оборвали...

Лу Цзин хотел было продолжить свои придирки, но Цзо Юэшэн дёрнул его.

— Подожди, кажется... — Цзо Юэшэн напряг слух. — Кажется, внизу и правда кто-то поёт...

Лу Цзин замер, подумав: «Не может быть».

Во-первых, они были в небе, и чтобы они услышали пение с земли, петть нужно было бы так, чтобы душа разрывалась. Во-вторых, месяц миазмов ещё не прошёл, и внизу был густой туман! Они могли лететь, потому что старейшина Тао был силён и накрыл лодку «Небесный снег» защитным покровом, отгоняющим миазмы.

Кто же это там внизу, в миазмах, распевает песни?

Больной, что ли?

Лу Цзин, полный сомнений, сосредоточился и прислушался. Лодка «Небесный снег» оправдывала своё название, летя бесшумно, словно снежинка. Когда стих стук игральные кости, воцарилась тишина, нарушаемая лишь свистом ветра, похожим на журчание воды под льдом... И правда, была слышна песня! Словно она поднималась с самой земли, прямо к ним!

— Глупый, глупый, глупый, безумный, безумный, безумный, то ли явь, то ли сон — затаился дракон Куй.

Цю Бодэн, разбирая слова песни, слегка нахмурился и незаметно коснулся браслета с

драконом Куй на левом запястье.

— Иди, иди, иди, покой, покой, покой... — Цзо Юэшэну было труднее разобрать слова, но он тоже понял. — То ли сон, то ли явь — всё пустота.

— Почему вы всё слышите? — Лу Цзин снова почувствовал себя единственным дураком и, тайно направив духовную ци в уши, решил во что бы то ни стало расслышать следующую строчку.

Как только ци коснулась ушей, звуки мира стали отчётливее.

И в следующий миг...

— СПАСИТЕ-Е-Е-Е!!!

Отчаянный, полный решимости вопль пронзил небеса. Звук был таким громким и душераздирающим, что Е Цан, который на другом конце палубы подшивал рукава, уколол себе палец, Лоу Цзян, медливший в каюте, со свистом вылетел на палубу, а старейшина Тао, притворявшийся больным в своей комнате, от неожиданности прижѐг руку трубкой.

— БЛАГОДЕТЕЛИ НЕБЕСНЫЕ! СМИЛУЙТЕСЬ! ЭТОТ СМИРЕННЫЙ МОНАХ! БОЛЬШЕ НЕ ВЫДЕРЖИТ!

<http://bllate.org/book/16967/1586476>